

Глава 5. Двойная фамилия Юэчжэн

На следующее утро Гун Ци привел И Цзяна на отделение китайских шахмат. Группы в академии Циюэ были небольшими, максимум по двадцать человек. Сам шахматный факультет делился на несколько направлений: Отделение китайских шахмат, Отделение го, Отделение маджонга и Смешанное шахматное отделение. Увидев табличку с надписью «Отделение маджонга», И Цзян раздражённо поморщился.

— Ма... маджонг? — сдавленно переспросил он, глядя на Гун Ци.

Тот воспринял вопрос совершенно спокойно.

— Ну да. Маджонг ведь тоже относится к настольным играм.

— Но я никогда не слышал, чтобы по нему проводили какие-то серьезные соревнования...

— Ошибаешься, они есть, — Гун Ци поправил очки. — В Гонконге и Макао это очень популярно. Кстати, в филиале нашей академии в городе S, где упор идет на западное искусство, на их шахматном факультете преподают международные шахматы и бридж. Шахматы в последние годы в моде, по ним и у нас турниров хватает. А вот по бриджу крупные чемпионаты обычно проходят за границей, в Китае профессиональная сцена еще только зарождается.

И Цзян указал на вывеску Смешанного шахматного отделения:

— А это что значит?

— Там готовят скорее критиков и теоретиков. Им не обязательно брать высокие ранги в чем-то одном, но они должны разбираться во всем понемногу. Кроме того, на Смешанном шахматном отделении есть курс карточного мастерства. Студенты с других направлений тоже могут взять его как факультатив. Если интересно — запишись, полезная штука.

— Карточное мастерство? — И Цзян не сразу понял, о чем речь.

— Проще говоря — искусство шулерства.

— Да ладно?! — И Цзян едва не подпрыгнул на месте. — Вы тут в открытую учите людей обманывать в карты?!

— Это просто техника владения картами, — отмахнулся Гун Ци. — Что-то вроде клуба по интересам. Вне стен академии полно подобных заведений, где обучают разным трюкам.

— И это... это считается полноценной учебной дисциплиной? — В голове у И Цзяна воцарился сумбур. — Послушай, а это точно нормальный университет? Где еще в программе стоят шахматы и шулерские приемы... Нам по окончании выдадут диплом, который хоть чего-то стоит?

— Не переживай. Хоть школа и выглядит подозрительно, дипломы у нас государственного образца и котируются везде. В каллиграфических и художественных факультетах пишут «Изобразительное искусство», на музыкальном — «Музыка», а у нас, на шахматном, в дипломе будет значиться «Физическая культура». Так что проблем с трудоустройством не возникнет. К тому же академия дает доступ ко всем крупным турнирам и квалификациям. Если будешь участвовать, без наград и званий не останешься.

И Цзян подозрительно прищурился:

— А эти награды... они тоже результат «карточного мастерства»?

Гун Ци едва сдержал раздражение.

— Я же сказал: это просто факультатив! Кто в здравом уме станет жульничать на официальных турнирах? Тебя же пожизненно дисквалифицируют! Да и в частных играх за такое могут руки-ноги переломать, если поймают.

— Ну... допустим.

— Если душа не лежит, просто не выбирай этот курс, и всё. Это же необязательно. — Гун Ци взял в регистратуре распечатку и протянул другу. — Вот расписание отделения китайских шахмат. Черным отмечены обязательные профильные предметы: разборы партий, теория, практика. Красным — общие обязательные дисциплины: информатика, английский, физкультура, основы философии. Зеленым — профессиональные факультативы, там как раз и затесались карточные техники. Желтым выделены общеакадемические курсы на выбор. В основном это культурология и искусствоведение — для общего развития. Все-таки академия Циюэ позиционирует себя как центр восточного искусства, так что нам полагается быть культурно просвещенными.

Увидев вполне стандартные для любого вуза предметы, И Цзян наконец выдохнул. И все же он решил не вдаваться в подробности учебного плана в письмах к матери, чтобы лишний раз ее не волновать. Если академия действительно дает дорогу к профессиональным турнирам, то мечта стать мастером спорта по шахматам из несбыточной грезы превращалась в реальную цель.

Из факультативов И Цзян выбрал только те, что напрямую касались его профиля. Во-первых, кроме шахмат его мало что интересовало, а во-вторых, чем меньше занятий, тем больше времени останется на подработку.

— Слушай, Гун Ци, а в академии есть места, где студенты могут подзаработать? — спросил он.

— Я слышал, в некоторых вузах помогают с вакансиями. Мы ведь чертовски далеко от центра, мотаться в город каждый день накладно.

— Есть, конечно, — кивнул тот. — У нас на факультете искусств студенты могут зарабатывать не только на обычных должностях, но и другими способами.

— Seriously?

И Цзян заметно оживился, но Гун Ци не стал развивать тему.

— Подробности обсудим позже. Сейчас зарегистрируй выбранные курсы и дуй в библиотеку за учебниками. Мне тоже пора, надо успеть в свою группу.

— Точно, — И Цзян смущенно покраснел. — Извини, что отнял столько времени.

— Да брось, мне по пути. Здание отделения го как раз по соседству. Увидимся.

Когда Гун Ци ушел, И Цзян бодро направился к временному старосте своей группы. Тот оказался общительным парнем по имени Хэ Хунчжи. Выяснилось, что они ровесники и оба без ума от шахмат, так что общий язык нашелся мгновенно. Узнав, что И Цзян — единственный в этом году особо одаренный студент, Хэ Хунчжи восторженно завопил и тут же вызвал его на поединок.

— Если бы я тогда не отравился и не просидел весь день в туалете, то точно поехал бы на тот городской турнир! — сокрушался Хэ. — Будь я там, еще неизвестно, кому бы достался кубок. Так что мы обязаны сразиться! Сегодня? Вечером заходи к нам в блок! Все наши живут в одном крыле, только тебя одного поселили в это пафосное общежитие для особо одаренных студентов. Завидую, конечно, но по-настоящему весело только в большой компании!

Поскольку И Цзян был последним в очереди на регистрацию, Хэ Хунчжи закончил дела и вызвался проводить его до библиотеки.

— погоди, ты хочешь сказать, что никогда не занимался в шахматных школах и даже партии не разбирал?! — Хэ Хунчжи снова перешел на крик. — И при этом взял первое место в городе? Да ты просто монстр!

— Я учился у одного дядьки во дворе, — пожал плечами И Цзян. — Мы жили в районе заводских общежитий. По вечерам мужики собирались поиграть, я постоянно крутился рядом. Один из них взялся меня учить, потом я уже на равных с ними резался. А когда в школе открыли шахматный кружок, решил сходить за компанию. Сам не ожидал, что выиграю что-то серьезное.

— Значит, самородок! — в голосе Хэ слышалось искреннее восхищение. — Говорят же, что

настоящие мастера прячутся в народе, а не в высоких кабинетах. Раз он выучил тебя до уровня чемпиона, твой учитель явно не прост. Познакомишь нас когда-нибудь?

— Он отличный мужик. У нас на районе его никто не мог обыграть. Думаю, если бы он пошел на чемпионат страны, то точно бы победил.

Парни проболтали всю дорогу. Получив книги, они разошлись: обычные студенческие корпуса стояли рядом с торговой зоной, а общежитие Чжунюань — совсем в другой стороне. И Цзян шел домой окрыленный. Возможность обсуждать любимую игру с ровесниками делала будущее ярким и многообещающим.

С понедельника началась настоящая учеба. Раньше И Цзян был просто любителем, а теперь профессиональный курс начался с самых азов. Однокурсники, прошедшие через городские центры подготовки, откровенно скучали на вводных лекциях и рвались скорее перейти к практике, но для И Цзяна каждое слово преподавателя открывало новый мир. Он впитывал знания как губка.

В отличие от профильных предметов, общеобразовательные курсы его почти не трогали. В университете всё было иначе, чем в школе: на общих лекциях преподаватели редко отмечали присутствующих — главное было сдать зачет. Сяо Бай обещал достать конспекты Гун Ци за прошлый год, в которых наверняка было всё необходимое для экзаменов, поэтому на скучных лекциях И Цзян тайком читал книги по шахматной теории.

— Они там что, совсем сдурели?!

Гул возмущения вырвал И Цзяна из мира гамбитов и рокировок. Шла лекция по древнекитайскому языку. Преподаватель объяснял основы классической поэзии, и И Цзян, разумеется, пропускал всё мимо ушей.

— Что случилось? — шепотом спросил он у Хэ Хунчжи. Тот скривился так, будто проглотил лимон.

— Да препод этот какой-то чудной. Совсем как в школе — задание на дом выдал!

И Цзян поднял голову. На проекционном экране светилась надпись: «Домашнее задание: написать эссе-комментарий к любой понравившейся поэме эпохи Тан. Объем — около 800 иероглифов».

— Сочинение писать... — И Цзян тоже не ожидал такой подставы. За последние недели ни один профессор, будь то по специальности или по общей программе, не требовал ничего сдавать. Обычно всё ограничивалось советом «почитать на досуге».

— Всего восемьсот иероглифов... — подал голос преподаватель. — Просто напишите о своих

впечатлениях. Не обязательно делать это профессионально, мне важны ваши мысли...

Молодой человек за кафедрой выглядел крайне неуверенно, его голос дрожал под напором студенческого гула. Этого преподавателя звали довольно странно — Юэчжэн Чжоу. Сначала И Цзян подумал, что «Юэ» — это фамилия, но оказалось, что это редкая двойная фамилия — Юэчжэн. Говорили, что такие встречаются в основном у национальных меньшинств, но он выглядел как самый обычный ханьский китаец.

В представлении И Цзяна представители малых народов должны быть смуглыми, крепкими и шумными. Учитель же был их полной противоположностью: тощий, бледный, он казался слабее любого парня в аудитории. Если встретить его в коридоре, легко можно принять за студента-первокурсника. К тому же он был катастрофически робким — стоило студентам начать возмущаться, как он втягивал голову в плечи, будто сам совершил какое-то преступление.

— Учитель! Мы вообще-то занятые люди! — грубо выкрикнул рослый парень из середины зала.
— Мы не бездельники из обычных вузов, которым лишь бы дотянуть до сессии. Мы с отделения каллиграфии — нам нужно руки тренировать сутками напролет, чтобы хоть чего-то добиться! Когда нам еще ваши эссе писать?

Это была чистой воды ложь, но учитель Юэчжэн лишь виновато пробормотал:

— Вот как... неужели...

— Вот именно! — подхватила стайка девушек. — Мы всё свободное время в музыкальных классах проводим! Мы не гении, нам приходится брать упорством и трудом!

И Цзян прекрасно знал, что эти же девицы сразу после пар бегут по магазинам или в кафе, а тех, кто действительно запирается в классах, можно пересчитать по пальцам.

— Нам на художественном тоже некогда...

— А нам, шахматистам, нужно партии разбирать...

В аудитории поднялся невообразимый гвалт. Учитель Юэчжэн пытался что-то сказать в микрофон, но его тихий голос тонул в общем шуме. Наконец прозвенел звонок. Студенты лавиной хлынули к выходу. Преподаватель суетливо напоминал о сроках сдачи, но его никто не слушал. Было очевидно, что на следующей неделе его стол останется пустым.

— Пошли, — Хэ Хунчжи начал собирать вещи. — У нас сегодня свободный вечер, может, всё-таки сыграем?

— Не сегодня, извини, — покачал головой И Цзян. — Хочу поймать соседа напротив, того второкурсника. Он обещал подсказать насчет работы.

— Всё-таки собрался пахать? — удивился Хэ. — Ты же особо одаренный студент, за учебу и жилье платить не надо. Расходы и так копеечные, на что тебе деньги? Компьютер хочешь купить? Или приставку?

— Дома ситуация тяжелая.

И Цзян не мог позволить себе такие игрушки. Хоть Сяо Бай и настаивал, что будет платить за продукты, И Цзян не собирался быть нахлебником. Он уже купил необходимую утварь и договорился с владельцем ресторанчика, чтобы тот привозил ему продукты по закупке — так выходило куда дешевле, чем питаться в столовой. Но деньги на следующий семестр нужно было откладывать уже сейчас. Раз он взрослый человек, то обязан сам себя обеспечивать и помогать матери.

Хэ Хунчжи нашел себе другого партнера для игры и, попрощавшись, ушел. И Цзян уже собирался последовать за ним, как вдруг из динамиков на кафедре раздался резкий свист микрофона, а следом — грохот чего-то падающего.

Обернувшись, он увидел, как учитель Юэчжэн в попытке поскорее собрать вещи неловко задел клавиатуру и микрофон, смахнув их со стола. Последние из уходящих студенток прыснули в кулак и выбежали из зала. Преподаватель полез под стол, и тут же раздался приглушенный удар и болезненное «Ой!».

И Цзян вздохнул и вернулся к кафедре.

— Давайте помогу.

Вблизи стало ясно, что Юэчжэн Чжоу — человек довольно приятной, даже миловидной внешности. У него была очень светлая кожа, и при других обстоятельствах он наверняка пользовался бы успехом у девушек. Но эта вечная сутулость, робость и челка, закрывающая глаза, делали его совершенно невзрачным.

— Спасибо большое... — пробормотал он, краснея.

Любой другой преподаватель на его месте просто кивнул бы, принимая помощь как должное, а этот смущался, словно провинившийся школьник.

С таким «никаким» мужчиной И Цзяну разговаривать не хотелось. Он коротко бросил: «До свидания, учитель» — и вышел. Ему вспомнился собственный сосед по комнате. Сяо Бай тоже был в чем-то бесполезным — патологический грязнуля и безнадежный топографический кретин, но в нем чувствовалась жизнь и энергия, с ним всегда было о чем поболтать.

А вот учитель Юэчжэн был воплощением серости и бесхарактерности. Удивительно, как человек может оставлять после себя такое тягостное впечатление «пустого места». Возможно,

это тоже своего рода талант?

<http://bllate.org/book/17421/1649741>